

ЭРИК БУЛАТОВ может нравиться и не нравиться, вызывать восторг или раздражение, интерес или зевоту, но факт остаётся фактом — булатовский почерк узнаваем. Это как раз тот случай, когда забываешь имя-фамилию художника, но его картины вспоминаются слёту — достаточно разок приметить. Талант — быть единственным в своём роде, и не только потому, что сюжеты бьют по глазам яростью шрифтов — тут всегда двойной, тройной посыл. Картины Булатова и приятно удивляют, и слегка фраппируют. Иногда невозможно понять, иронизирует ли мастер или, напротив, пылает пафосом. Или то и другое одновременно?

Его величают и родоначальником соц-арта — направления, препарирующего советскую символику, — и московским концептуалистом, и гиперреалистом, да ещё — бунтарём-диссидентом и творцом своеобразной "летописи" СССР — той страны, которую он то ли обожал, то ли презирал, то ли испытывал к ней странное чувство, кое легче всего описать строками Лермонтова: "Люблю отчизну я, но странною любовью! / Не победит её рассудок мой". В любом случае, Булатов покинул Советский Союз не в 1970-х, как большинство диссидентствующих гениев, а в 1990 году, на пике перестроечных вакханалий.

В РОСИЗО сейчас проходит выставка "Эрик Булатов. Избранные страницы", где зрителю предлагается постичь творческую манеру автора, сочетающую в себе вербальные и визуальные основы. Картины Булатова изображают, а заодно говорят, кричат, шепчут, призывают. В них чувствуется дух пост-революционного авангарда с плакатными шрифтами и коллажной техникой.

Художник не сразу нашёл свой путь. Среди экспонатов — ранняя вещь Булатова под названием "Разрез". Это — опыт абстрактного видения и попытка преодоления плоскости холста. Свет, разложенный на цвета спектра, на фоне глубокой черноты космоса — это схоже с оптическими иллюзиями. Картина изысканна — в ней легко найти какую-нибудь мудрёную философию, но сие необязательно. Булатов писал красиво и никогда бы не стал уродовать натуру во имя "непохожести" на соцреалистов.

Булатов был требователен к себе и поэтому — сомневался. Он вспоминал примечательный разговор с Робертом Фальком: "Когда я принёс Фальку свои работы, он очень внимательно смотрел, а потом спросил: "А что вы сами думаете о своих работах?" Я признался в своём отчаянии и бессилии, потому что видел, что к искусству всё, что я делаю,

пространство фабул, подчёркивая задумку или же, напротив, отрицая её. Главный конфликт — между свободой и несвободой, меж "да" и "ни за что". Влекущая синяя надпись "Вход" перебивается красной: "Входа нет". Как в том фильме — добро пожаловать лишь посторонним вход воспрещён. Так случается — и возможность предстаёт невозможностью. Всё — жизненно.

Часто булатовские ребусы — это жёсткий конфликт изображения со словом. На картине "Опасно" мы наблюдаем свежую зелень и отдыхающую парочку, однако по периметру идёт воспритетельная надпись. "XX век" — римские цифры дважды зачёркивают пейзаж с шатровой церковкой. Это не столько богочерство коммунистов, сколько полное переименование всего и вся — уход от патриархальности, форсированный урбанизм, учащение ритма.

щее", тогда как чёрный — "ничто после угасания солнца, как вечное безмолвие без будущности и надежды". Из двух "ничто" складывается мироздание. Это наша реальность, где всё состоит из тьмы и света, из противоборств и анти-тез. Чёрное — обязательно зло. Это просто ночь. Белое — это и выстиранное бельё, и первый снег, и — крылья ангелов. Макро- и микрокосм полярны.

Булатов любит противоположности — и цветовые, и смысловые. "Вверх — вниз" — серия из четырёх картин, где раскрываются все оттенки синего. Мотив головокружительной высоты — один из важнейших у мастера. "Найдём" — разгуляться, где бы! Даёшь небо!" — как писал Владимир Маяковский. "Вверх — вниз" — это метафора бытия — мы то взмываем, то падаем, то — идём к Абсолюту, а бывает, что и деградируем. Задача — стремиться к высшему Я несмотря

"Картина и зрители", где масса грубо заслоняет леонардову "Джокунду", — из той же серии. Наиболее известное произведение живописи, Мона Лиза сделалась элементом поп-культуры — она знаема и расхожа, как фантик, лейбл, вывеска. Все стремятся её узреть в реальности, дабы заявить в соцсетях: "Я постоял рядом", да ещё добавить: "Ничего особенного". Профаны твердят о загадочной улыбке, а искусствоведы витийствуют о сфумато — нежнейшем размывити контуров, но Джоконда по-прежнему ускользает от пытливого разума.

Увлекательное занятие — рассматривать сюжет "Il tempo di Roma" — время Рима. Что есть римское время? Оно же — вечность. Переключка эпох и течений, а блистательный Ренессанс вторгается в современность. Вот — люди, идущие по своим делам, но где-то там, за колоннами, возникают образы Боттичелли и Рафаэля, а мудрецы из "Афинской школы" шествуют навстречу итальянцам, редко задумывающимся, что являются хранителями сокровищ.

ПОТРАСАЮЩЕ, но с творчеством Эрика Булатова и его друга Олега Васильева были претолчно знакомы советские дети — особенно девочки, обожавшие "принцесс". Дуэт Васильев — Булатов рисовал дивные иллюстрации к сказкам Шарля Перро, Сельмы Лагерлёф и Ганса Христиана Андерсена. Картинки преисполнены изыщной прелести, элегантности, грации. Второй раздел экспозиции обращён к этим царедвейным дарам — перед нами полка с книгами и "уголок иллюстратора", увенчанный настольной лампой. Концептуалисты, чтобы не выпадать из процесса, уходили в книжное иллюстрирование — это Виктор Пивоваров, Илья Кабаков и наши Булатов с Васильевым. Сотрудничество с издательствами давало заработок и причастность к обществу. Отклик — восторг детворы!

Тоненькая Золушка в златом наряде едва касалась пола хрустальной туфелькой, а её сестрицы поражали пышностью куафюр, взятых пряником из Версаля капризники Антуанетты. Эфирность Спящей Красавицы напоминала о юных герцогнях Боттичелли и прочих девах эры кватроченто. Феи в роскошных уборах — зннен и эскофьон-ан-корн — буквально парили в воздухе. Забавный король в напудренном парике и принцесса, одетая в платье с турнюром, встречали Кота в сапогах. И летел гусь Мартин с Нильсом "на борту" в полуфантастическую Лапландию. И страдала Элиза в ожидании братьев, превращённых мачехой в лебедей. Каждую страничку оплетали филигранные виньетки — то с рокайлами, то с розами. Булатов и Васильев прослыли добрыми сказочниками, потому что были прекрасны душой, а их нонконформизм происходил не из фанфаронства иль безумия. Эрик Булатов скончался в прошлом году, оставив после себя изумительное наследие, и в экспозиции показана лишь малая его часть. "Живу — вижу" — таков был его девиз, сопровождавший поиски всесветной гармонии.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «American dream». Художник Эрик Булатов. 1992 г.

«...И РОССИЯ ЗАПЛАЧЕТ ВОКРУГ»

ДОНБАССКОЕ МЯУ

Ты бежала по минному полю —
За котом. Под дождём. Босиком.
Мины были, как глотки в запое.
Рыжий хвост стал твоим маяком.

Ноги — в кровь — от осколков историй
Про погубель, царящую здесь.
А вокруг было минное горе,
И посёлок, израненный весь.

Кот лавировал между смертями.
Восемь жизней отдал за тебя,
Ведь нежже порядочной даме
Обронить свою душу в степях.

Ты живёшь теперь, как на иголках:
Вдруг он выжил — не ангел, но кот?
И однажды в плацкарте на полках
Я скажу тебе "мяу" — как код.

СВАТОВО

Взрыв подкрался слева,
Взрыв подкрался справа.
Смерть рычала с неба,
Как в Помпеех лава.

За бронёй машины
Дроны ревали тучи.
Тягли аршины
До беды дремучей.

Зрепищей и хлеба
Жаждала дорога.
Я взглянул на небо
И нашёл не Бога.

В облаках смотрела
Ты с улыбкой скромной.
И упали стрелы,
И сбежали дроны.

Дождь заплел речистый
Под биты раскатов.
Горизонт весь чистый.
Ты пришла с закатом...

АРКТИКА

Мы отменили ночи и закаты.
Мы раскололи и сожрали тьму.
Мы поутру кричали хором: "Тфу"
Сам Зевс метал в нас грозные раскаты.

Наш вездеход рычал, как сто медведей.
Святой отряд летел на край земли.
Менты бы нас не замели.
Вела нас богородица-миледи.

Земля была нам скатерть-самобранка.
По курсу — реки огненной воды.
И облака плывут, как шёлк фаты,
И солнце светит сквозь тумана ранку.

Над бездной выпивали мы красиво
И целовали пограничный столб.
А дальше вездеход реванул без строп
Туда, где не кончается Россия.

"ВЕТЕР МЕНЯЕТ НАПРАВЛЕНИЕ"

На танцполе остались мы двое.
Вся Россия стояла вокруг.
Танец был о ветре и воле.
Танец, как спасательный круг.

Мы вдвоём стали круче Эйнштейна.
Танец мчал нас сквозь время и мрак.
Он похож был на Бога идейно.
Танец честный, как в сказках дурак.

Завтра песня умрёт под снегами.
И танцпол превратится в погост.
Мы замрём, будто взвод оргазми.
Ветер скажет последний свой тост.

Мы заплачем вдвоём над могилой.
И Россия заплачет вокруг.
Бог опять не услышит мобилу.
Но танцует тепло наших рук.

В Мариуполе не пахнет морем.
В Мариуполе живёт тоска.
Замки из песка на пляже не построим.
Ветки рыют здесь окопы для броска.

В той мансарде рисовал Куинджи,
А теперь на стенах
пишут: "Не стреляй"
Граффити из пуль
чеканят: "Не скули же!"
На руинах задремал бездомный лай.

В Мариуполе не пахнет морем.
Ветер, о любви мне здесь не пой.
Дождь пойдёт,
мы грязь с лица отмоем.
Но в глазах останется прибой.

ДВА ПО ГЕОГРАФИИ

Ты — Россия, я — Донбасс.
Вот ведь ситуация.
Вместе полный драм-н-бас
И секрет по рациям.

Ты — Россия, я — Донбасс.
Жизнь на референдуме.
Кто кого в окопах спас,
Кто танцует с лентами.

Ты Россия, я — Донбасс.
Два по географии.
Обвенчают нас спецназ.
Лайкни фотографии!

ЦАРЕВНА-РЫСЬ

Мы с тобой бежали за жар-птицей.
Босиком, под пение берёз.
Ты — царевна-рысь, а я сойду за принца.
Русь укрыла нас ковром из гроз.

Молнии сверкали, да и пятки.
За спиной рычал злой серый полк.
Я шептал, что будет всё в порядке.
Как тебе идёт козынки шёлк!

Мы бежали, не скрывая лица.
Невердимые, в руке рука.
Через бури нас вела жар-птица —
Это ведь любовь, наверняка.

СОН ЛЕДНИКА

Леднику приснилась наша ссора.
И ледник, проснувшись, зарыдал.
Реки слёз под стать скупым узором
Умывали Арктики радар.

Я стоял у края водопада,
Из ладоней лил кристаллы слёз.
Арктике к лицу не ГУМ, не PRADA.
Ей к лицу печаль бурлящих грёз.

Не грусти, ледник, о громких ссорах.
Милье бранятся от любви.
Ты поплачь, что на твоих просторах
Нет моей прекрасной визави.

Мы б такие закатали ссоры,
Мы б такой устроили скандал,
Что все вековые горы
Вмиг остались бы без льда...

Арктика завывла с новой силой.
Я стоял один среди бела дня.
Море мои крики уносило.
Жаль, что ты кричишь не на меня.

ДРАМА НА ВАГОНКЕ

Девять десятков бешеных лет
Слабно сложились в клубочек.
Бабушка тихо ввязала свой плед.
Кот громко спал между строчек.

Кот тарыхтел,
как старенький танк.
Кот был и вправду не молод.
В тёмном окне
шли танки ва-банк —
Шли к полигону сквозь холод.

T-37 и T-100 и тэ. дэ.
Бабушка знала их с детства.
В 44-м девочкой в беде.
Нынче танк прёт по наследству.

Ночью за домом рычал полигон.
Кот тенью спрынул с кровати.
Он умирать шёл — кошащий закон.
А танкам ста жизней не хватит.

Бабушка тельце в подъезде нашла.
Эти стихи шире прозы.
С другом в руках долгих три этажа.
Годы. Ступеньки. И слёзы...

СЧАСТЛИВЫЙ

Бог сказал, что я — счастливый.
Я ответил: счастья нет.
За окном молитве мотыли,
В сводках вновь распят корнет.

Дорогая шлёт закаты,
Силуэты дивных ног.
ПВО слышит раскаты.
Что такое счастье, бог?

Андрей ГОРБУНОВ

